

Сердце на спор

Элина Авдеева

Элина Авдеева

Сердце на спор

«Автор»

2026

Авдеева Э.

Сердце на спор / Э. Авдеева — «Автор», 2026

Он поспорил, что сможет её получить. Она не должна была становиться чем-то большим. Аня — тихая. Всегда одна. Последний ряд. У окна. С блокнотом, в котором слова, которых она не помнит. Макс — холодный. Самоуверенный. Тот, у кого есть всё. И спор, который должен был остаться игрой. Он думал, что играет. Она думала, что не верит. Оба ошибались. За холодом — боль. За молчанием — страх. За спором — любовь, которая не кричит. Она просто есть. Она — тихая. Но ты её чувствуешь.

© Авдеева Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Аня	5
Глава 2. Макс	29
Глава 3. Аня	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Элина Авдеева

Сердце на спор

Глава 1 Аня

Я стояла в деканате и смотрела на список.

«Соколова А. — тема курсовой: "Феномен одиночества в современной русской прозе"».

Я не выбирала эту тему. Её выбрали за меня. Потому что я опоздала. Потому что все нормальные темы разобрали. Потому что я — Соколова А., которая всегда опаздывает.

Я вышла в коридор. Прислонилась к стене. Закрыла глаза.

«Одиночество в современной русской прозе». Замечательно. Я буду писать о том, что знаю лучше всего.

В библиотеке пахло пылью и старыми книгами. Я села у окна. Достала ноутбук. Открыла список литературы.

Двадцать три книги. Из них четырнадцать — в фонде. Остальные — в архиве. Архив закрыт на ремонт.

Я откинулась на стул. Посмотрела в окно. Дождь. Ноябрь. Серое небо.

— Соколова.

Я обернулась. Волков. Стоял у стеллажа. С книгой в руке.

— Что?

— Ты всегда сидишь одна.

— Я работаю.

— Над чем?

— Курсовая. «Одиночество в русской прозе».

Он усмехнулся. Не зло. Как-то иначе.

— Ирония.

— Что?

— Ты пишешь про одиночество. И сидишь одна.

— А ты? — Я кивнула на книгу в его руке. — Что читаешь?

Он поднял книгу. Камю. «Посторонний».

— Для души.

— Для души — Камю?

— Для души — про пустоту. — Он сел напротив. Без приглашения. — Знаешь?

— Знаю.

— И как?

— Мне жаль Мерсо.

— Почему?

— Потому что он не умел чувствовать. — Я посмотрела на него. — А когда научился — было поздно.

Он замер. Посмотрел на меня. Долго.

— Ты первая, кто так говорит.

— А как говорят другие?

— Что он убийца. Что он чудовище.

— Он не чудовище. Он просто... — Я замолчала. Подбирала слово. — Пустой. А пустота — это не зло. Это болезнь.

Он молчал. Смотрел на меня. И я увидела — что-то в его глазах дрогнуло.

— У тебя всё в порядке? — спросила я.

— Никто не спрашивал.

— Что?

— Никто не спрашивал, в порядке ли я. — Он улыбнулся. Горько. — Все думают, что у меня всё есть. Что мне не может быть плохо.

— А тебе плохо?

— Иногда.

Я не знала, что ответить. Просто сидела. Смотрела на него.

— Почему ты мне это говоришь?

— Потому что ты не такая, как все. — Он поднял голову. — Ты не пытаешься понравиться. Не пытаешься использовать. Ты просто есть.

— Макс.

— Что?

— Не надо.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что с этим делать.

Он помолчал. Потом сказал:

— Просто знай. И всё.

Он встал. Взял книгу. Сумку.

— Ты уходишь?

— Да. — Он посмотрел на меня. — Но я вернусь.

— Зачем?

— Затем, что хочу.

Он ушёл. Я осталась сидеть. Смотрела на дверь. И понимала: я влипла.

Через минуту в библиотеку вошёл Кирилл. Я знала его в лицо — он всегда ходил с Максом. Высокий. Светловолосый. С улыбкой, которая не сходила с лица.

Он подошёл ко мне. Сел напротив. Без приглашения.

— Ты Аня?

— Аня.

— Кирилл. — Он протянул руку. Я пожала. — Друг Макса.

— Я знаю, кто ты.

— Хорошо. — Он помолчал. — Тогда ты, наверное, знаешь, что он... сложный.

— Сложный?

— У него отец. — Кирилл помолчал. — Богатый. Властный. Он вырос без матери. Она ушла, когда ему было семь.

Я замерла.

— Что?

— Он не говорит об этом. — Кирилл пожал плечами. — Но я знаю. Я давно с ним.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что он не скажет сам. — Кирилл встал. — А ты должна знать.

Он ушёл. Я осталась сидеть. Смотрела на дверь.

«Он вырос без матери. Она ушла, когда ему было семь».

Я не знала, что с этим делать. Но что-то внутри меня знало.

Я вышла из библиотеки. Коридор был пуст. Только лампы гудели. Я шла к выходу. И слышала голоса.

— Волков. Ты чего такой?

Я замерла. За углом. Макс. И кто-то ещё. Высокий. Светловолосый. С улыбкой, которая мне не понравилась.

— Отстань, Артём.

— Что? Я просто спросил. — Артём засмеялся. — Ты в последнее время странный. Как будто... влюбился.

Пауза.

— Тебе какое дело?

— Никакого. — Артём помолчал. — Просто напоминаю. У нас был уговор.

Я замерла. Какой уговор?

— Я вышел.

— Вышел? — Артём засмеялся. — Ты не можешь выйти. Ты согласился. Теперь играй.

— Я не играю.

— Играешь. — Голос Артёма стал жёстче. — Или ты забыл? Соколова. Приз. До конца семестра.

Я замерла. Всё внутри похолодело.

— Заткнись.

— Не заткнусь. — Артём помолчал. — Ты подошёл к ней, потому что поспорил. Ты помог ей с архивом, потому что поспорил. Всё, что ты делаешь — это игра.

— Это не игра.

— Тогда докажи. — Артём помолчал. — Или расскажу ей.

Пауза. Долгая.

— Уйди.

— Как хочешь. — Артём засмеялся. — Но я не отстану.

Шаги. Я отступила за угол. Прижалась к стене. Сердце колотилось.

Артём прошёл мимо. Не заметил. Я стояла. Смотрела ему вслед. И понимала: я только что услышала что-то. Что-то, что меняет всё.

Я не знала, что делать. Не знала, что думать. Но знала: я должна спросить. У Макса. Прямо.

Через два дня я нашла блокнот.

Он лежал на столе в аудитории. Мой блокнот. Я его не искала. Просто увидела. Забрала.

Дома открыла. Мои записи. Конспект. Список книг. И на последней странице — то, чего я не помнила.

«Почему он смотрит?»

Три слова. Моим почерком. Я не помнила, когда это написала.

Я листала блокнот. Назад. Вперёд. Искала — где ещё. Нашла. На странице с конспектом по философии. Между строк. Мелко. Почти незаметно.

«Он смотрит так, будто ищет. Что?»

И ещё. На обороте. Совсем бледно. Как будто писала в темноте.

«Я не хочу, чтобы он находил. Потому что тогда он уйдёт».

Я закрыла блокнот. Руки дрожали.

Я не помнила, когда это писала. Не помнила, что думала это. Но почерк был мой. И слова были мои.

Я сидела. Смотрела в стену. И понимала: часть меня знала что-то. Что-то, чего не знала я.

Утром я пошла в деканат.

— Мне нужен доступ в архив.

— Архив закрыт.

— На ремонт. Я знаю. Но мне нужны книги. Для курсовой.

— Приходите через месяц.

— Через месяц — сдача.

— Это ваши проблемы.

Я вышла. Прислонилась к стене. Закрыла глаза.

— Проблемы?

Я открыла глаза. Волков. Опять.

— Тебе какое дело?

— Никакого. — Он пожал плечами. — Просто спрашиваю.

— Архив закрыт. Книги нужны. Всё.

— Какой архив?

— Библиотечный. На четвёртом этаже.

Он помолчал. Потом сказал:

— У моего отца есть доступ.

— Что?

— К архиву. У него связи. — Он посмотрел на меня. — Я могу попросить.

Я замерла.

— Зачем?

— Затем, что хочу.

— Я не могу принять.

— Почему?

— Потому что тогда я буду должна.

Он усмехнулся.

— Ты уже должна. Я вернул тебе блокнот.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что блокнот — это блокнот. А архив — это... — Я замолчала.

— Что?

— Помощь.

— И?

— Я не привыкла, чтобы мне помогали.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Привыкай.

Он ушёл. Я стояла. Смотрела ему вслед.

Через час он написал. «Архив открыт. Завтра в десять. Спросишь Ирину Петровну».

Я смотрела на сообщение. Долго. Потом ответила: «Спасибо».

Он не ответил. Но я знала — он прочитал.

В архиве было холодно. Пахло бумагой и пылью. Я сидела за столом. Передо мной — четырнадцать книг. Все, что нужны.

Я открыла первую. Начала читать. Но мысли были не о курсовой.

Я думала о блокноте. О словах. «Я не хочу, чтобы он находил. Потому что тогда он уйдёт».

Что это значит? Что я имела в виду? Почему я это написала?

Я не знала. Но что-то внутри меня знало.

Я вернулась к книге. Прочитала страницу. Потом ещё одну. Слова плыли. Я закрыла.

В дверь постучали.

— Да?

Вошёл Волков. С двумя стаканами кофе.

— Ты здесь уже три часа.

— Я работаю.

— Ты не работаешь. Ты смотришь в окно.

Я посмотрела на него. Он был прав. Я смотрела в окно.

— Держи. — Он протянул стакан.

Я взяла. Наши пальцы соприкоснулись. На секунду.

— Спасибо.

— Не за что.

Он сел напротив. Молчал. Смотрел на книги.

— Ты всегда такой? — спросила я.

— Какой?

— Помогаешь без причины.

— Я не без причины.

— А с какой?

Он помолчал. Потом сказал:

— Ты первая, кто спросил, в порядке ли я.

— И что?

— И всё. — Он пожал плечами. — Этого достаточно.

Я смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Ты странный.

— Я знаю.

— Нет. — Я покачала головой. — Я не то имела в виду. Ты... другой.

— Какой?

— Настоящий.

Он замер. Посмотрел на меня. И я увидела — что-то в его глазах изменилось. Что-то, чего я не поняла.

— Макс.

— Что?

— Не надо.

— Что не надо?

— Смотреть так.

— Как?

— Как будто я — что-то важное.

Он помолчал. Потом сказал:

— Ты и есть важное.

Я замерла. Сердце ударило. Один раз. Глухо.

— Я пойду. — Я встала. — Спасибо за кофе.

— Аня.

Я обернулась.

— Что?

— Завтра. В десять. Здесь. Я приду.

— Зачем?

— Затем, что хочу.

Я вышла. Не обернулась. Но чувствовала его взгляд спиной.

Дома я села на кровать. Открыла блокнот. Ещё раз.

«Почему он смотрит?»

«Он смотрит так, будто ищет. Что?»

«Я не хочу, чтобы он находил. Потому что тогда он уйдёт».

Я смотрела на эти слова. Долго.

Почему я это написала? Когда? Что я имела в виду?

Я не помнила. Но что-то внутри меня — помнило.

Я закрыла блокнот. Легла. Закрыла глаза.

И уснула. С мыслью о нём.

Утром я пришла в архив. В десять. Он уже был там. С кофе. С книгами.

— Ты рано.

— Я всегда рано.

— Почему?

— Потому что не хочу опаздывать. — Он посмотрел на меня. — В отличие от тебя.

— Я не опаздываю.

— Ты опоздала на лекцию вчера. И позавчера.

— Ты следишь за мной?

— Я наблюдаю. Это другое.

Я села. Взяла кофе. Молчала.

— Ты всегда такая? — спросил он.

— Какая?

— Закрытая.

— А ты всегда такой?

— Какой?

— Открытый.

Он усмехнулся.

— Нет. Только с тобой.

— Почему?

— Потому что ты не пытаешься меня использовать. — Он пожал плечами. — Все пытаются. Ты — нет.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу.

Я посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Макс.

— Что?

— Ты мне врёшь?

Он замер. Посмотрел на меня.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты слишком идеальный. Слишком. Так не бывает.

Он молчал. Смотрел в стол. Потом сказал:

— Я не идеальный.

— А какой?

— Сломанный. — Он поднял голову. — Как и все. Просто я умею это скрывать.

Я смотрела на него. И впервые за всё время — поверила.

В пятницу я пошла в архив. Одна. Без него.

Я хотела проверить. Хотела понять. Хотела узнать, что он скрывает.

Я открыла книги. Начала читать. Но мысли были не о курсовой.

Я думала о нём. О том, как он сказал «сломанный». О том, как посмотрел. О том, как дрогнула его рука.

В дверь постучали.

— Да?

Вошёл не он. Кирилл.

— Привет.

— Привет. — Я удивилась. — Ты здесь почему?

— Волков сказал, что ты будешь здесь. — Он сел напротив. — Хотел поговорить.

— О чём?

— О нём.

Я замерла.

— Что?

— Он не такой, как кажется. — Кирилл смотрел на меня. Прямо. — Он сложный. И он...
— Он замолчал.

— Что?

— Он влюблён в тебя. Давно. С первого курса.

Я замерла. Сердце упало.

— Что?

— Он не говорил. Но я знаю. — Кирилл пожал плечами. — Он смотрит на тебя. Всегда. Ищет в толпе. Ждёт.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что он не скажет сам. — Кирилл встал. — Он боится. А ты должна знать.

Он ушёл. Я осталась сидеть. Смотрела на дверь.

«Он влюблён в тебя. Давно».

Я не знала, что с этим делать. Но что-то внутри меня знало.

Я не спала всю ночь.

Думала. О нём. О Кирилле. О том, что он сказал.

«Он влюблён в тебя».

Я не хотела этому верить. Но верила. Потому что чувствовала. Потому что видела. Потому что знала.

Утром я пришла в архив. Он уже был там. С кофе. С книгами.

— Ты рано.

— Я не спала.

— Почему?

Я посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Кирилл приходил. Вчера.

Он замер. Посмотрел на меня.

— Что он сказал?

— Что ты влюблён в меня. С первого курса.

Он молчал. Смотрел в стол.

— Это правда?

Он молчал. Долго.

— Макс.

— Что?

— Ответь.

Он поднял голову. Посмотрел на меня. И я увидела — в его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Страх.

— Это не твоё дело.

— Что?

— Это не твоё дело. — Он встал. — И не его.

— Макс.

— Нет. — Он покачал головой. — Ты не должна была узнавать так. От него. Не от меня.

— А как я должна была узнать?

— Никак. — Он взял сумку. — Я не хотел, чтобы ты знала.

— Почему?

— Потому что это ничего не меняет.

— Меняет.

— Нет. — Он посмотрел на меня. — Ты всё равно скажешь «нет». Как на первом курсе.

Я замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю. — Он улыбнулся. Горько. — Я всегда знаю.

Он пошёл к двери.

— Макс.

Он остановился.

— Что?

— Ты не прав.

Он обернулся.

— Что?

— Ты не прав. — Я встала. — Я не скажу «нет».

Он смотрел на меня. Долго. Не двигался.

— Почему?

— Потому что ты первый, кто спросил, в порядке ли я.

Он замер. Посмотрел на меня. И я увидела — что-то в его глазах изменилось.

— Аня.

— Что?

— Ты не должна.

— Что не должна?

— Говорить это. — Он шагнул ко мне. — Я не тот, кто тебе нужен.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Ты не знаешь. — Я посмотрела на него. — Ты просто боишься.

Он молчал. Смотрел на меня. Я видела — он борется. С собой. Со мной. Со всем.

— Макс.

— Что?

— Не уходи.

Он замер. Посмотрел на меня.

— Что?

— Не уходи. — Я шагнула к нему. — Пожалуйста.

Он стоял. Не двигался. Смотрел на меня. Долго.

Потом сказал:

— Я не уйду.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время. По-настоящему.

Вечером я пришла домой. Мама была на кухне.

— Аня, что-то случилось?

— Нет.

— Ты какая-то... светлая.

Я улыбнулась. Мама всегда видит.

— Мам.

— Что?

— А как понять, что это — настоящее?

Она отложила ложку. Посмотрела на меня. Серьёзно.

— Оно не кричит. Не доказывает. Не торопит. Оно просто есть.

— А если он врёт?

— Все врут, Аня. Вопрос в том, зачем.

— А если он врёт, чтобы получить что-то?

— Тогда ты узнаешь. — Она коснулась моей щеки. — И уйдёшь.

— А если я не хочу уходить?

Мама замерла. Посмотрела на меня. Долго.

— Тогда ты должна быть уверена.

— В чём?

— В нём. — Она села напротив. — Аня, я не буду говорить «не делай». Ты взрослая. Но я скажу одно: если ты не уверена — не торопись.

— Я не тороплюсь.

— Ты влюблена.

Я замерла.

— Что?

— Ты влюблена. — Мама улыбнулась. Грустно. — Я вижу. Ты светишься. Но я также вижу, что ты боишься.

— Я не боюсь.

— Боишься. — Она взяла меня за руку. — И это нормально. Но если ты боишься — значит, есть причина. Подумай, какая.

Я молчала. Смотрела в стол.

— Мам.

— Что?

— А если причина — не в нём?

— А в ком?

— Во мне.

Мама посмотрела на меня. Долго. Потом сказала:

— Тогда тебе нужно разобраться с собой. Прежде чем разбираться с ним.

— Я не знаю как.

— Знаешь. — Она сжала мою руку. — Ты просто не хочешь.

Я подняла голову. Посмотрела на неё.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я тебя знаю. — Мама вздохнула. — Ты всегда так делаешь. Когда что-то важное — ты ищешь причину, чтобы не делать.

— Это не так.

— Это так. — Она встала. — Я не буду тебя заставлять. Но я скажу: если ты его любишь — не прячься. Ни от него. Ни от себя.

Я молчала. Смотрела в стол.

— Мам.

— Что?

— А если я ошибусь?

— Ошибёшься. — Она пожала плечами. — Все ошибаются. Но это лучше, чем не пробовать.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже боялась. — Мама улыбнулась. — И чуть не упустила твоего отца.

Я замерла.

— Что?

— Я не сразу сказала «да». — Она села обратно. — Я боялась. Думала, что не смогу. Что не получится. Три года он ждал. А я — боялась.

— И что?

— И однажды он сказал: «Или сейчас, или никогда». И я поняла, что не хочу «никогда».

Я смотрела на неё. Долго.

— Мам.

— Что?

— Спасибо.

Она улыбнулась. Тепло.

— Не за что.

Утром я пришла в архив. Он уже был там.

— Привет.

— Привет.

Я села. Взяла кофе. Молчала.

— Аня.

— Что?

— Ты вчера не ответила.

— На что?

— На то, что я сказал.

Я посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я знаю.

— И?

— И я не знаю, что с этим делать.

Он помолчал. Потом сказал:

— Просто знай. И всё.

Я смотрела на него. И понимала: я не хочу, чтобы это заканчивалось.

— Макс.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

Он замер. Посмотрел на меня.

— Я не уйду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время. По-настоящему.

Он проводил меня до дома. Мы стояли у подъезда. Молчали.

— Макс.

— Что?

— Я хочу тебе кое-что показать.

Я достала блокнот. Открыла. Нашла страницу.

«Почему он смотрит?»

«Он смотрит так, будто ищет. Что?»

«Я не хочу, чтобы он находил. Потому что тогда он уйдёт».

Он смотрел на слова. Долго. Потом поднял голову.

— Ты это писала?

— Я. — Я кивнула. — Но я не помню, когда.

— Почему не помнишь?

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Может, в темноте. Может, во сне. Может, просто не хотела помнить.

Он смотрел на меня. Долго.

— Почему ты мне это показываешь?

— Потому что я поняла.

— Что?

— Я боялась. — Я посмотрела на него. — Что ты найдёшь. Что ты уйдёшь. Что я останусь одна. Как всегда.

— И что?

— И то. — Я закрыла блокнот. — Я не хочу бояться.

Он смотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Я не уйду.

— Ты уже обещал.

— Я повторяю. — Он шагнул ко мне. — Я не уйду. Никогда.

Я смотрела на него. И впервые за всё время — не боялась.

Он поцеловал меня.

Не сразу. Сначала — посмотрел. Долго. Как будто спрашивал. Я не ответила. Просто стояла. Смотрела на него.

Он понял. Шагнул. Коснулся. Губы. Тёплые. Осторожные.

Я закрыла глаза.

Мир исчез.

Было только тепло. Его руки. На моей спине. Осторожные. Как будто я — что-то хрупкое. Драгоценное.

Он целовал медленно. Не торопил. Давал мне время. Отстраниться. Уйти. Если захочу.

Я не хотела.

Я прижалась к нему. Сильнее. Он выдохнул. Тихо. Как будто ждал этого. Долго.

— Аня.

— М?

— Я тебя люблю.

Я замерла. Открыла глаза. Посмотрела на него.

— Что?

— Я тебя люблю. — Он смотрел на меня. Прямо. Без улыбки. — Давно. С первого курса. С того дня, когда ты сказала «нет».

Я молчала. Смотрела на него. И чувствовала — что-то внутри меня ломается. Тихо. Медленно. Хорошо.

— Макс.

— Что?

— Я тоже.

Он замер.

— Что?

— Я тоже тебя люблю. — Я улыбнулась. — Идиот.

Он смотрел на меня. Долго. Потом рассмеялся. Тихо. Счастливо.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я видел. — Он коснулся моего лица. — Ты смотрела на меня. В библиотеке. Тогда. Как будто искала.

— Я искала.

— Что?

— Тебя.

Он замолчал. Смотрел на меня. И в его глазах было что-то. Что-то, чего я не видела раньше. Счастье.

— Аня.

— Что?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не сказала «нет». — Он улыбнулся. — Во второй раз.

Я рассмеялась. Обняла его. Крепко.

— Дурак.

— Знаю.

Мы стояли. Обнявшись. Долго. И это было — всё. Всё, что нужно.

Он держал меня за руку. Молчал. Смотрел на меня.

— Аня.

— Что?

— Я должен тебе кое-что сказать.

Я замерла. Что-то в его голосе было не так. Что-то тяжёлое.

— Что?

Он отпустил мою руку. Отвернулся. Смотрел в стену.

— Помнишь вечеринку? Ту, где мы разговаривали на террасе?

— Помню.

— Тогда... — Он замолчал. Подыскивал слова. — Тогда был спор.

Я замерла.

— Что?

— Артём. И Денис. И ещё пара. — Он говорил тихо. Медленно. — Они поспорили. Что я... что я смогу тебя... — Он замолчал. Не мог сказать.

— Что?

— Что ты будешь... как приз.

Я молчала. Смотрела на него. Не двигалась. Не дышала.

— Спор, — сказала я. — Ты поспорил на меня.

— Да.

— Как на приз.

— Да.

Я отвернулась. Подошла к окну. Стояла. Долго. Смотрела на город. Огни. Люди. Чужие жизни.

— Аня.

— Молчи.

Он замолчал. Я слышала, как он дышит. Неровно. Тяжело.

— Почему ты говоришь мне это сейчас? — спросила я.

— Потому что не могу больше врать.

— Ты врал?

— Нет. — Он помолчал. — Но не говорил. Это хуже.

Я обернулась. Посмотрела на него. Он стоял. Смотрел в пол. Как провинившийся мальчик.

— Ты согласился.

— Согласился.

— Зачем?

— Не знаю. — Он поднял голову. — Я не думал, что ты... что это будет... так.

— Как?

— По-настоящему. — Он посмотрел на меня. Прямо. — Я не думал, что влюблюсь.

Я молчала. Смотрела на него. И чувствовала — что-то внутри меня ломается. Тихо. Медленно. Больно.

— Макс.

— Что?

— Я не знаю, что с этим делать.

— Я тоже. — Он шагнул ко мне. — Но я знаю одно: я не играл. Ни минуты. Всё, что было — правда.

— Как я могу тебе верить?

— Никак. — Он покачал головой. — Но я буду доказывать. Каждый день. Пока ты не согласишься.

Я смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я не знаю.

— Я подожду.

— Сколько?

— Сколько нужно.

Я молчала. Смотрела на него. И понимала: я не хочу, чтобы он уходил.

— Макс.

— Что?

— Останься.

Он замер. Посмотрел на меня.

— Что?

— Останься. — Я шагнула к нему. — Просто... останься.

Он обнял меня. Крепко. Прижал к себе. Я чувствовала, как он дрожит.

— Я не уйду, — прошептал он. — Никогда.

Я закрыла глаза. Слушала его дыхание. И понимала: я не знаю, что будет. Не знаю, смогу ли простить. Но знаю одно: я не хочу его терять.

Глава 2. Макс

На следующий день.

Я не спал.

Лежал на кровати, смотрел в потолок и слушал, как в соседней комнате отец разговаривает с Ольгой. Смеётся. Тем самым смехом. Фальшивым. Громким.

Я знал этот смех. Он смеялся так с матерью. Перед тем как она ушла.

Хотя нет. Не ушла. Умерла.

Я закрыл глаза. Сжал челюсть.

Я не думал об этом. Годами. Запрещал себе. Но теперь — после того, как рассказал Ане — что-то открылось. Что-то, что я держал внутри. Долго. Крепко.

Я встал. Подошёл к окну. Город внизу горел огнями. Чужие жизни. Чужие окна.

А я стоял один. В пустой квартире. И думал о ней.

Она сказала: «Я тоже тебя люблю. Идиот».

Я не верил. Долго не верил. Думал — сон. Думал — показалось. Думал — она пожалела.

Но она сказала. Прямо. Без улыбки.

Я до сих пор чувствовал её губы. Тёплые. Осторожные. Как будто она боялась. И хотела. Одновременно.

Я не спал. Не мог.

Утром я приехал в университет раньше обычного.

Не знал зачем. Просто приехал. Припарковался. Вышел. Надел очки. Не потому что солнце — потому что не хотел, чтобы кто-то видел мои глаза.

Я не спал. Глаза красные.

— Волков.

Кирилл. Шёл ко мне через двор. С ухмылкой. Как всегда.

— Ты чего такой?

— Не спал.

— Опять отец?

— Нет.

— А что?

Я молчал. Смотрел в сторону.

— Аня?

Я замер. Посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

— Ты светишься. — Кирилл хлопнул меня по плечу. — Как идиот. Как будто впервые в жизни счастлив.

— Заткнись.

— Не заткнусь. — Он засмеялся. — Рассказывай.

— Нечего рассказывать.

— Волков.

— Что?

— Я тебя знаю. — Он посмотрел на меня. Прямо. — Ты либо счастлив, либо убит. Третьего нет.

Я молчал. Смотрел в землю.

— Счастлив, — сказал я тихо.

Кирилл замер. Посмотрел на меня. Долго. Потом улыбнулся. Широко. Искренне.

— Наконец-то.

— Что?

— Наконец-то ты перестал врать.

Я не ответил. Но что-то внутри меня согласилось.

— Слушай, — сказал Кирилл. — Она тебе показала?

— Что?

— Блокнот.

Я замер. Посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь про блокнот?

— Она говорила с Лизой. Лиза — с Настей. Настя — со мной. — Кирилл пожал плечами.
— Это универ. Здесь всё быстро.

— Что она сказала?

— Что нашла свои записи. Которые не помнила. — Кирилл помолчал. — Она показала тебе?

— Показала.

— И?

— И я не знаю, что с этим делать. — Я посмотрел в сторону. — Она писала про меня. Давно. Не помня.

— Это... — Кирилл замолчал. — Это странно.

— Знаю.

— Но это также... — Он помолчал. — Это значит, что она чувствовала. Давно. Просто не понимала.

Я молчал. Смотрел в стол.

— Макс.

— Что?

— Не упусти её.

— Не упущу.

В аудитории я сел на своё место. Через два ряда от неё. Как всегда.

Она уже была там. Сидела у окна. Писала что-то в тетради. Рыжие волосы падали на лицо. Она заправляла их за ухо. Медленно. Привычно.

Я смотрел. Не мог не смотреть.

Кирилл рядом. Толкнул меня локтем.

— Ты опять.

— Что?

— Смотришь.

— Я не смотрю.

— Смотришь. — Он усмехнулся. — Но теперь можно. Ты же не споришь больше.

Я замер.

— Что?

— Спор. — Кирилл посмотрел на меня. — Ты же вышел из спора?

Я молчал. Смотрел в стол.

— Волков.

— Что?

— Ты вышел из спора?

— Да.

— Когда?

— Вчера. — Я поднял голову. — Я сказал ей всё.

Кирилл замер. Посмотрел на меня. Долго.

— Всё?

— Всё.

— Про спор?

— Про спор.

— И?

— И она простила.

Кирилл молчал. Смотрел на меня. Потом сказал:

— Ты идиот.

— Знаю.

— Нет. Ты не знаешь. — Он наклонился ближе. — Ты сказал ей про спор. Но ты не сказал ей, что Артём всё ещё в игре.

Я замер.

— Что?

— Артём. — Кирилл посмотрел на меня. — Он не вышел. Он всё ещё ждёт. Он звонил мне вчера. Спрашивал, как продвигается.

Я молчал. Смотрел в стол.

— Что ты ему сказал?

— Что ты вышел.

— И?

— Он не поверил.

Я закрыл глаза. Медленно. Глубоко вздохнул.

— Чёрт.

После пары я поймал Артёма в коридоре.

— Артём.

Он обернулся. Улыбнулся. Той самой улыбкой. Фальшивой.

— Волков. Как дела?

— Нам надо поговорить.

— О чём?

— О споре.

Он замер. Посмотрел на меня. Потом сказал:

— Каком споре?

— Не играй. — Я шагнул к нему. — Ты знаешь, о чём.

— А, ты про это. — Он усмехнулся. — Ну как? Продвигается?

— Я вышел.

— Вышел? — Он поднял бровь. — Или проиграл?

— Вышел.

— Это одно и то же. — Он пожал плечами. — Ты не выполнил условия. Значит, проиграл.

— Я не проиграл. Я вышел.

— Разница?

— Разница в том, что я не буду платить.

Артём замер. Посмотрел на меня. Долго.

— Ты уверен?

— Уверен.

— А если я расскажу ей?

— Что ты расскажешь?

— Всё. — Он улыбнулся. — Про спор. Про условия. Про то, что ты согласился. Про то, что ты играл.

— Я не играл.

— Играл. — Он шагнул ко мне. — Ты подошёл к ней, потому что поспорил. Ты помог ей с архивом, потому что поспорил. Ты...

— Я помог ей с архивом, потому что хотел.

— Хотел? — Артём засмеялся. — Ты? Волков? Ты никогда ничего не хотел. Ты просто играл. Как всегда.

Я молчал. Смотрел на него. И чувствовал — что-то внутри меня закипает.

— Артём.

— Что?

— Уйди.

— Что?

— Уйди. — Я шагнул к нему. — Сейчас. Иначе я тебя ударю.

Он замер. Посмотрел на меня. И, кажется, впервые увидел что-то в моих глазах. Что-то, чего не видел раньше.

— Ты... — Он отступил. — Ты серьёзно.

— Серьёзно.

Он молчал. Смотрел на меня. Потом сказал:

— Ладно. — Он поднял руки. — Ладно. Я уйду. Но я не забуду.

— Забудь.

— Не забуду. — Он покачал головой. — Ты пожалеешь.

Он ушёл. Я стоял. Смотрел ему вслед.

Я не знал, что будет. Но знал: это ещё не конец.

Я достал телефон. Набрал Вику.

— Макс? — Удивлённый голос. — Что случилось?

— Ничего. — Я помолчал. — Просто хотел спросить. Как ты?

Пауза.

— Нормально. — Она помолчала. — А ты?

— Тоже.

— Макс.

— Что?

— Я знаю. Про неё. Про Соколову.

Я замер.

— Откуда?

— Артём. — Она помолчала. — Он звонил. Сказал, что ты поспорил на неё. Что ты играешь.

Я молчал. Смотрел в стену.

— Это правда?

— Это было правдой. — Я выдохнул. — Сейчас — нет.

— Что изменилось?

— Я влюбился.

Пауза. Долгая.

— Я рада за тебя.

— Правда?

— Правда. — Она помолчала. — Я не держу зла. Мы оба были неправы.

— Спасибо.

— Не за что. — Она помолчала. — Только... будь осторожен. Артём не остановится.

— Знаю.

— И Вика... — Она помолчала. — То есть я. Я уезжаю. В Москву. К тёте.

— Когда?

— Через неделю. — Пауза. — Не хочу больше здесь оставаться. Слишком много всего.

— Понимаю.

— Береги её.

— Берегу.

Она положила трубку. Я стоял. Смотрел на телефон.

Вика уезжает. Артём не остановится. Аня ничего не знает.

Всё это — было слишком.

Через час я получил сообщение.

Не от Ани. От Артёма.

«Ты думаешь, ты выиграл? Ты ничего не выиграл. Ты просто влюбился, как идиот. А она — просто пешка. В моей игре. И в твоей. Разница в том, что я это знаю. А ты — нет».

Я смотрел на экран. Долго.

Потом набрал его номер.

— Что ты хочешь?

— Ничего. — Голос ровный. — Просто напоминаю. Ты играл. Она — приз. И ты её не выиграл.

— Я не играл. Я вышел.

— Одно и то же.

— Нет. — Я помолчал. — Разница в том, что я не боюсь. А ты — боишься.

Пауза.

— Чего я боюсь?

— Того, что ты — никто. — Я сказал это тихо. Спокойно. — Ты не игрок. Ты просто наблюдатель. Ты никогда не любил. Никогда не рисковал. Ты просто смотрел. И завидовал.

Тишина. Долгая.

— Ты пожалеешь.

— Может быть. — Я помолчал. — Но не из-за неё.

Я положил трубку. Смотрел на телефон.

Вечером я поехал к Ане.

Не предупредил. Просто поехал. Хотел увидеть. Хотел убедиться, что она в порядке.

Я припарковался у подъезда. Вышел. И замер.

Артём.

Он стоял у подъезда. Ждал. Смотрел на окна.

Я подошёл. Быстро.

— Что ты здесь делаешь?

Он обернулся. Улыбнулся.

— Жду.

— Кого?

— Её. — Он кивнул на окна. — Хочу поговорить.

— О чём?

— О тебе. — Он пожал плечами. — О том, какой ты. О том, что ты сделал. О том, что ты — не тот, за кого себя выдаёшь.

Я шагнул к нему. Близко. Очень близко.

— Уходи.

— Не уйду.

— Уходи. — Я сжал кулаки. — Сейчас.

— Или что? — Он усмехнулся. — Ударишь меня? При свидетелях?

Он кивнул в сторону. Я обернулся. У соседнего подъезда стояли двое. Смотрели на нас.

— Это мои друзья. — Артём улыбнулся. — Они просто смотрят. Чтобы ты не сделал глупость.

Я молчал. Смотрел на него. И понимал: он подготовился. Он ждал этого.

— Что ты хочешь?

— Ничего. — Он пожал плечами. — Просто хочу, чтобы ты знал: я не отступлю. Я буду здесь. Каждый день. Пока она не узнает правду.

— Она уже знает.

— Не всю. — Он шагнул ко мне. — Ты сказал ей про спор. Но ты не сказал ей, что ты — трус. Что ты боялся сказать ей в лицо. Что ты написал письмо. Как девчонка.

Я замер.

— Откуда ты знаешь про письмо?

— Лиза. — Он улыбнулся. — Она мне рассказала. Случайно. Или не случайно.

Я молчал. Смотрел на него. И чувствовал — что-то внутри меня ломается. Медленно. Глухо.

— Ты... — Я сжал кулаки. — Ты подонок.

— Может быть. — Он пожал плечами. — Но я не вру. В отличие от тебя.

Он развернулся. Пошёл к своим друзьям.

— Артём.

Он обернулся.

— Что?

— Если ты подойдёшь к ней. Если ты скажешь ей хоть слово. — Я шагнул к нему. — Я тебя уничтожу. Не физически. По-другому. У меня есть связи. У моего отца есть связи. Ты пожалеешь, что родился.

Он замер. Посмотрел на меня. Долго. И, кажется, впервые увидел что-то в моих глазах. Что-то, чего не видел раньше. Страх.

— Ты... — Он сглотнул. — Ты не посмеешь.

— Посмею. — Я шагнул ещё ближе. — Ты думаешь, ты знаешь меня? Ты ничего не знаешь. Я вырос в этом. Я знаю, как уничтожать людей. Я просто не делал этого. Потому что не хотел. Но если ты тронешь её — я сделаю.

Он молчал. Смотрел на меня. Потом отступил.

— Ладно. — Он поднял руки. — Ладно. Я уйду.

— Уходи.

Он ушёл. Быстро. Не оборачиваясь.

Я стоял. Смотрел ему вслед. И чувствовал — что-то внутри меня дрожит. Не страх. Ярость.

Я достал телефон. Набрал её номер.

— Макс?

— Привет.

— Ты чего? Голос странный.

— Ничего. — Я выдохнул. — Просто... я у тебя. У подъезда.

— Что? Сейчас?

— Да. Можно?

Пауза.

— Конечно. Поднимайся.

Я положил трубку. Смотрел на окна. И понимал: это не конец. Это начало.

Она открыла дверь. Улыбнулась. Но что-то в её глазах было не так. Настороженное.

— Привет.

— Привет.

Я зашёл. Сел на диван. Она села напротив.

— Макс. — Она смотрела на меня. Внимательно. — Что происходит?

Я молчал. Смотрел в стол.

— Макс.

— Артём, — сказал я. — Он не вышел из спора.

Она замерла.

— Что?

— Он всё ещё ждёт. Он угрожает. — Я поднял голову. Посмотрел на неё. — Он хочет рассказать тебе. Всё. Про спор. Про условия. Про то, что я согласился.

Она молчала. Смотрела на меня. Долго.

— Ты уже рассказал.

— Рассказал. Но он хочет рассказать по-своему. — Я помолчал. — Чтобы сделать больно.

— Зачем?

— Потому что он злится. Потому что я вышел. Потому что я выбрал тебя, а не его.

Она молчала. Смотрела в стол. Потом сказала:

— И что теперь?

— Я не знаю. — Я пожал плечами. — Я хотел, чтобы ты знала. Чтобы ты не узнала от него.

Она посмотрела на меня. Долго.

— Макс.

— Что?

— Почему ты не сказал мне сразу?

— Потому что боялся.

— Чего?

— Что ты уйдёшь.

Она молчала. Смотрела на меня. Потом встала. Подошла к окну.

— Я не уйду.

— Почему?

— Потому что ты сказал мне правду. — Она обернулась. — Сам. Не он.

— Это меняет что-то?

— Меняет. — Она подошла ко мне. Села рядом. — Ты мог не говорить. Мог ждать. Мог надеяться, что он не расскажет. Но ты сказал. Сам.

— И?

— И это значит, что ты не играешь. — Она взяла меня за руку. — Играл бы — молчал бы.

Я смотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Я тебя люблю.

— Знаю.

— И я не хочу тебя терять.

— Не потеряешь. — Она улыбнулась. — Если будешь говорить правду. Всегда. Даже когда страшно.

— Обещаю.

— Правда?

— Правда.

Она прижалась ко мне. Я обнял её. Крепко. Как будто боялся отпустить.

И в этот момент я понял: вот оно. То, что я искал. Всю жизнь.

Не деньги. Не машины. Не женщин, которые смотрят на мой счёт.

А это. Тепло. Настоящее. Моё.

Утром я пришёл к отцу.

Он сидел в кабинете. С бумагами. С телефоном. Как всегда.

— Пап.

Он поднял голову. Удивлённый.

— Что?

— Я хочу тебе кое-что сказать.

Он отложил бумаги. Посмотрел на меня. Внимательно.

— Говори.

— Я не хочу быть как ты.

Он замер. Посмотрел на меня. Долго.

— Что?

— Я не хочу искать. Как ты. Каждую неделю — новая. Каждый месяц — новая. Я не хочу.

Он молчал. Смотрел в стол.

— Я знаю, что ты ищешь, — сказал я. — Любовь. Настоящую. Но ты ищешь не там.

— А где?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Но не в деньгах. Не в статусе. Не в женщинах, которые смотрят на твой счёт.

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Ты прав.

Я замер.

— Что?

— Ты прав. — Он поднял голову. Посмотрел на меня. И я увидел — в его глазах было что-то. Что-то, чего я не видел раньше. Усталость. — Я ищу. Всю жизнь. И не нахожу.

— Почему?

— Потому что боюсь. — Он улыбнулся. Горько. — Боюсь, что найду. И потеряю. Как твою мать.

Я молчал. Смотрел на него.

— Она ушла, — сказал он. — Я не удержал. И с тех пор... — Он замолчал. — Я не хочу, чтобы ты повторил мою ошибку.

— Я не повторяю.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я нашёл. — Я посмотрел на него. — Ту самую.

Он замер. Посмотрел на меня. Долго.

— Кто она?

— Аня. — Я улыбнулся. — Она рыжая. И она пишет курсовую про одиночество. И она любит Камю.

Он смотрел на меня. Долго. Потом улыбнулся. Слабо. Но искренне.

— Я рад.

— Правда?

— Правда. — Он встал. Подошёл ко мне. Положил руку на плечо. — Ты лучше меня. Всегда был.

Я молчал. Смотрел на него. И чувствовал — что-то внутри меня отпускает.

— Пап.

— Что?

— Спасибо.

Он кивнул. Медленно. Потом сказал:

— Приведи её. Как-нибудь. Я хочу познакомиться.

— Приведу.

Он улыбнулся. Я тоже.

Я уже стоял у двери, когда он окликнул меня.

— Макс.

Я обернулся.

— Что?

Он смотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Твоя мать. Она не просто ушла.

Я замер.

— Что?

— Она ушла не потому, что я её не любил. — Он помолчал. — Она ушла потому, что я не умел любить. Я думал, что деньги — это любовь. Подарки — это любовь. Статус — это любовь.

— А это не так?

— Нет. — Он покачал головой. — Любовь — это когда ты рядом. Когда ты слушаешь. Когда ты не боишься молчать.

Я молчал. Смотрел на него.

— Я не умел. — Он отвернулся. — Я до сих пор не умею. Но я учусь.

— Пап.

— Что?

— Ты можешь научиться.

Он обернулся. Посмотрел на меня. И я увидел — в его глазах было что-то. Что-то, чего я не видел раньше. Надежда.

— Думаешь?

— Знаю. — Я шагнул к нему. — Я тоже не умел. Но она научила.

— Как?

— Просто. — Я пожал плечами. — Она просто есть. И этого достаточно.

Он смотрел на меня. Долго. Потом улыбнулся. Широко. Искренне.

— Ты прав.

— Знаю.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я хочу тебе кое-что показать.

Он подошёл к сейфу. Открыл. Достал фотографию.

— Вот. — Он протянул мне. — Твоя мать.

Я взял. Смотрел.

Молодая женщина. Рыжие волосы. Зелёные глаза. Улыбка. Настоящая.

— Она... — Я замолчал.

— Она была как твоя Аня. — Отец улыбнулся. Грустно. — Тёплая. Настоящая. Она не любила деньги. Не любила статус. Она любила... просто быть рядом.

— Почему она ушла?

— Потому что я не был рядом. — Он помолчал. — Я работал. Всегда. Я думал, что обеспечиваю её. А она хотела... просто меня. Но меня не было.

Я молчал. Смотрел на фотографию.

— Я не хотел, чтобы ты повторил мою ошибку, — сказал он. — Поэтому я никогда не говорил тебе о ней. Я боялся, что ты будешь искать. Как я. И не найдёшь.

— Я нашёл.

— Знаю. — Он улыбнулся. — И я рад.

Мы стояли. Молчали. И это было — хорошо. Тихо. Тепло.

Днём я встретился с Кириллом.

— Ты сказал ей?

— Сказал.

— И?

— И она не ушла.

Кирилл замер. Посмотрел на меня. Потом улыбнулся.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Она... — Он покачал головой. — Она лучше, чем я думал.

— Знаю.

— Что теперь?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Жить.

— А Артём?

— Артём — проблема. — Я посмотрел на него. — Но не моя.

— А чья?

— Его. — Я встал. — Если он хочет рассказать — пусть расскажет. Я не боюсь.

Кирилл смотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Ты изменился.

— Знаю.

— Сильно.

— Знаю.

— Это она?

— Она. — Я улыбнулся. — Она.

Вечером я позвонил ей.

— Привет.

— Привет.

— Я хочу тебя кое о чём попросить.

— О чём?

— Познакомься с моим отцом.

Пауза.

— Что?

— Он хочет тебя увидеть.

— Зачем?

— Потому что я ему рассказал.

— Что рассказал?

— Что ты — та самая.

Она молчала. Долго.

— Макс.

— Что?

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Я... — Она замолчала. — Я не знаю, что сказать.

— Скажи «да».

Пауза.

— Да.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты не ушла. — Я помолчал. — И за то, что ты сказала «да».

Она рассмеялась. Тихо. Счастливо.

— Дурак.

— Знаю.

Я положил трубку. Смотрел в окно.

Город внизу горел огнями.

Чужие жизни. Чужие окна.

А у меня было своё. Тёплое. Настоящее.

Через минуту пришло сообщение.

Не от Ани. От Артёма.

«Ты думаешь, ты выиграл? Ты ничего не выиграл. Ты просто сдался. И я расскажу ей. Всё. Завтра. Посмотрим, как она запоёт».

Я смотрел на экран. Долго.

Потом набрал его номер.

— Что ты хочешь?

— Ничего. — Голос ровный. — Просто напоминаю. Ты играл. Она — приз. И ты её не выиграл.

— Я не играл. Я вышел.

— Одно и то же.

— Нет. — Я помолчал. — Разница в том, что я не боюсь. А ты — боишься.

Пауза.

— Чего я боюсь?

— Того, что ты — никто. — Я сказал это тихо. Спокойно. — Ты не игрок. Ты просто наблюдатель. Ты никогда не любил. Никогда не рисковал. Ты просто смотрел. И завидовал.

Тишина. Долгая.

— Ты пожалеешь.

— Может быть. — Я помолчал. — Но не из-за неё.

Я положил трубку. Смотрел на телефон.

Потом позвонил ей.

— Макс?

— Привет. Ещё раз.

— Что-то случилось?

— Нет. — Я помолчал. — Просто... если завтра кто-то тебе что-то скажет. Про меня. Про спор. Про всё.

Пауза.

— Что?

— Не верь. — Я помолчал. — Верь мне. Только мне.

Она молчала. Долго.

— Макс.

— Что?

— Что он сказал?

— Ничего. — Я выдохнул. — Просто... будь готова.

— Я готова. — Она помолчала. — Я всегда готова. Потому что я с тобой.

Я закрыл глаза. Слушал её дыхание. И понимал: вот оно. То, за что стоит бороться.

— Аня.

— Что?

— Я тебя люблю.

— Знаю. — Она улыбнулась. Я слышал. — И я тебя.

Я положил трубку. Смотрел в окно.

Город внизу горел огнями. Чужие жизни. Чужие окна.

А у меня было своё. Тёплое. Настоящее.

И я не хотел его терять.

Через час позвонила она. Сама.

— Макс.

— Что?

— Он звонил.

Я замер.

— Кто?

— Артём. — Она помолчала. — Он сказал... он сказал, что ты поспорил на меня. Что я — приз. Что ты играл.

Я молчал. Смотрел в стену.

— Макс.

— Что?

— Я не поверила.

Я закрыл глаза. Выдохнул.

— Почему?

— Потому что ты сказал мне правду. Сам. — Она помолчала. — А он — нет. Он просто хотел сделать больно.

— Аня.

— Что?

— Я тебя люблю.

— Знаю. — Она улыбнулась. — И я тебя. Идиот.

Я рассмеялся. Тихо. Счастливо.

— Дурак.

— Знаю.

Она положила трубку. Я смотрел на телефон. Долго.

Потом лёг. Закрыл глаза.

И уснул. Впервые за долгое время — спокойно.

Глава 3. Аня

После того вечера я не спала.

Лежала. Смотрела в потолок. Думала.

Он сказал: «Это был спор. Ты была призом».

Я слышала эти слова. Снова и снова. Они звучали в голове. Как набат. Как приговор.

Но потом я вспоминала его глаза. Как он смотрел. Как дрожал. Как сказал: «Я не играл. Ни минуты».

И я не знала, чему верить.

Утром я встала. Посмотрела на себя в зеркало. Бледная. Глаза красные. Но не от слёз — от бессонницы.

Я не плакала. Не могла. Что-то внутри меня застыло. Как лёд. Как ноябрь за окном.

Я оделась. Вышла. Пошла в университет.

Не потому что хотела. А потому что не знала, что делать ещё.

В коридоре я увидела его.

Он стоял у окна. Один. Без Кирилла. Без Артёма. Просто стоял. Смотрел в окно.

Я остановилась. Не знала — подойти или пройти мимо.

Он обернулся. Увидел меня. Наши взгляды встретились.

Секунда. Две. Три.

Я отвернулась. Пошла дальше. Быстрее.

— Аня.

Я замерла. Не обернулась.

— Аня. Пожалуйста.

Я обернулась. Посмотрела на него. Он стоял. Не двигался. Смотрел на меня.

— Что?

— Ты не отвечала на звонки.

— Я не хотела.

— Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

Он молчал. Смотрел в пол. Потом сказал:

— Что ты имеешь право не хотеть меня видеть.

Я молчала. Смотрела на него.

— Но я хотел сказать. — Он поднял голову. — Что я не играл. Ни минуты. Ты — не приз. Ты — не спор. Ты — не игра.

— А что я?

— Ты — всё. — Он смотрел на меня. Прямо. — Ты — то, ради чего я готов отказаться от всего. От спора. От Артёма. От отца. От всего.

Я молчала. Смотрела на него. И чувствовала — что-то внутри меня дрогнуло. Тихо. Медленно.

— Макс.

— Что?

— Я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори. — Он шагнул ко мне. — Просто... дай мне шанс. Один. Я докажу.

— Как?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Но я буду доказывать. Каждый день. Пока ты не согласишься.

Я смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я не знаю.

— Я подожду.

— Сколько?

— Сколько нужно.

Я молчала. Смотрела на него. И понимала: я не хочу, чтобы он уходил.

— Макс.

— Что?

— Я не могу сейчас. — Я покачала головой. — Мне нужно время.

— Хорошо. — Он кивнул. — Сколько?

— Не знаю. — Я вздохнула. — Просто... время.

— Хорошо. — Он смотрел на меня. — Я буду ждать.

Он ушёл. Я стояла. Смотрела ему вслед.

И понимала: я не знаю, что будет. Но знаю: что-то изменилось. Что-то внутри меня. Что-то, чему я не знала имени.

Я пошла в библиотеку. Не потому что нужно. Просто хотела побыть одна.

Села у окна. Достала ноутбук. Открыла. Но не работала. Смотрела в окно.

Дождь. Опять дождь. Как в тот день. Когда он дал мне зонт. Когда сказал: «Привыкай».

Я думала о нём. О его словах. О его глазах. О том, как он дрожал. О том, как сказал: «Ты — всё».

Я не знала, верить или нет. Но что-то внутри меня — верило.

В дверь постучали.

— Да?

Вошла Лиза. Спокойная. Как всегда. С чашкой кофе.

— Привет.

— Привет.

Она села напротив. Посмотрела на меня. Долго.

— Ты выглядишь ужасно.

— Спасибо.

— Что случилось?

Я молчала. Смотрела в стол.

— Аня.

— Что?

— Настя сказала. Про спор.

Я замерла. Посмотрела на неё.

— Что она сказала?

— Что Волков поспорил на тебя. Что ты — приз. — Лиза помолчала. — Это правда?

Я молчала. Смотрела в стол.

— Правда.

Лиза отставила чашку. Посмотрела на меня. Внимательно.

— И что ты думаешь?

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Я не знаю, что думать.

— А что чувствуешь?

Я замерла. Посмотрела на неё.

— Что?

— Что ты чувствуешь? — Лиза смотрела на меня. Прямо. — Не что думаешь. Не что знаешь. А что чувствуешь.

Я молчала. Долго. Потом сказала:

— Я не знаю.

— Аня.

— Что?

— Ты его любишь?

Я замерла. Посмотрела на неё. И чувствовала — что-то внутри меня дрогнуло.

— Да.

— Тогда какая разница? — Лиза пожала плечами. — Спор, не спор. Он тебя любит. Ты его любишь. Остальное — неважно.

— Это важно.

— Почему?

— Потому что он врал.

— Нет. — Лиза покачала головой. — Он не врал. Он просто не говорил. Это другое.

— Это одно и то же.

— Нет. — Лиза наклонилась ближе. — Врать — это говорить неправду. А он говорил правду. Просто не всю. И он сказал тебе сам. Не Артём. Не кто-то другой. Он.

Я молчала. Смотрела в стол.

— Аня.

— Что?

— Я не говорю тебе «прости его». — Лиза помолчала. — Я говорю: подумай. Прежде чем решать. Потому что решения, принятые на эмоциях — обычно неправильные.

Я смотрела на неё. Долго. Потом сказала:

— Спасибо.

— Не за что. — Она встала. — И ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.